

Продолжение.
Начало в "РМ" №4154.

Александр Галушкин

У «Зеленой стены»

Евгений Замятин в «задержанной» эмиграции

Евгений Замятин. 1925.

Н.Волковисский, рассказывая, о ставнической роли Замятина в группе "Серапионовы братья", вспоминал:

«Искусству писательства "братья" учились у Замятина, как молодые поэты вырастали под "студийным" руководством Гумилева. И делегация от "братьев" бросилась в Москву. Л.Б.Каменев делал тогда ставку на Медичи Белокаменной, на покровителя искусств и молодых дарований. В ответ на хлопоты "братьев" за своего учителя, вместе с нами переведенного тогда уже из общей переполненной камеры ГПУ в отдельные камеры Дома предварительного заключения, им ответили (они хлопотали одновременно и за Б.И.Харитона, и за пишущего эти строки): будете писать в "Красной нови" — освободим Замятина (остальных двух пока еще подержим). Согласие было дано (литературная молодежь была принята в Москве "по-барски") — и Замятин внезапно вышел из тюрьмы, где мы все продолжали сидеть. Но Евгений Иванович рассчитывал, что это лишь временная льгота, и что он, вместе с нами, уедет за границу, куда рвалась его "европеизированная" душа.

Однако, высылка наша затягивалась; Замятин считался вообще вышедшим из игры и с печальным лицом провожал он нас на пристань, возле которой стоял германский пароход, увозивший нас в заграничное изгнание. Он нам завидовал, тихо говорил, что надеется вскоре встретиться с нами в Берлине. Это было вечером 15-го ноября 1922 года».

Оставим на совести мемуариста мнение, что замятинская "литературная изысканность, его глубокий, органический европеизм" могли послужить основанием для высылки — хотя в этих словах не так уже много неправды.

Как видно даже из приведенных выше сведений, инициаторы высылки — за неимением ничего другого — часто основывали свое заключение исключительно на литературных произведениях "с прозрачными намеками" или без них. И вот еще одна цитата в подтверждение этого — из протокола №40 заседания политбюро ЦК от 14 декабря 1922 года, на котором присутствовали Г.Зиновьев, Л.Каменев, В.Молоотов, А.Рыков, И.Сталин, Л.Троцкий, М.Томский, А.Цюрупа, М.Калинин, Г.Сокольников, А.Сольц.

Слушали: п.10. "О меньшевиках (т.Уншлихт)". Постановили: "6) Поручить Секретариату разослать №1 альманаха "Литературная мысль", в котором напечатана драма Замятина ("Огни св. Доминика" — А.Г.). Если никто из членов Политбюро не потребует пересмотра вопроса к следующему заседанию Политбюро — Замятин высылка».

Судя по отсутствию в следующих постановлениях политбюро имени Замятина — разногласий среди членов его не возникло. И именно в начале 1923 года — к удивлению Замятина и его друзей, хлопотавших об отмене его высылки, — писателю опять предписывают покинуть страну.

Известно, однако, что и этому решению не суждено было реализоваться. Окончательной ясности, почему это произошло, пока нет: было ли дело Замятина прекращено по его желанию, или были другие причины, в которых воля писателя просто не принималась во внимание (мнение Г. Файмана). Как бы то ни было, Замятин остался в Советской России — пока общественно-литературная ситуация не вынуждает его вернуться к идее эмиграции.

2. Акт второй. 1929-1931 годы

По странному совпадению заключительный акт эмигрантской эпопеи Замятина состоялся почти ровно через семь лет после первого. Именно в августе-

сентябре 1929 года на страницах советской печати развернулась ожесточенная кампания, направленная против писателей-"попутчиков" и их основной организации — Всероссийского союза писателей. Внешним поводом к началу этой кампании послужила публикация за рубежом повести Бориса Пильняка "Красное дерево" и романа Замятина "Мы". Но это был лишь повод. Организатор кампании — Отдел агитации, пропаганды и печати ЦК — ставил задачи куда более масштабные.

По своим разрушительным последствиям эта кампания должна быть поставлена в один ряд с такими "дискуссиями", как "дискуссия о формализме и натурализме" 1936 года, постановление о журналах "Звезда" и "Ленинград" 1946 г., кампания вокруг "Доктора Живаго" Бориса Пастернака, а из более близких нам по времени — "дело Синявского и Даниэля". Парижские "Последние новости" подытоживали ее результаты в том же 1929 году: "Цензурное нововведение большевиков немаловажное право на книгу заменило правом на ее автора. <...> Теперь власть цензуры над книгой заменена личным крепостничеством автора".

Замятин сразу же определил главную цель развернувшейся дискуссии. В целой серии писем, адресованных руководству Всероссийского союза писателей и "Литературной газете", он решительно протестовал против выдвинутых обвинений. Такая реакция, судя по всему, стала полной неожиданностью для организаторов этого показательного внесудебного

разбирательства. Они рассчитывали на быстрое покаяние виновных, за которым последовало бы прощение. И в кулуарных разговорах, и в печати строптивому писателю недвусмысленно предлагалось признать свою вину.

Приведу отрывок из постановления правления Московского отделения Всероссийского Союза советских писателей от 11 октября 1929 года:

"ВССП считает необходимым категорически отвергнуть всякое обвинение в том, что советская общественность и, в частности, ВССП травил Замятина. С нашей точки зрения неоспоримо то, что большой художественный талант Замятина не дает ему права на забвение интересов страны, писателем и гражданином которой он является. Дорога в советскую литературу не преграждена писателям, которые вместе со всей советской общественностью берут на себя разрешение задач, возлагаемых на нас эпохой. Литературные же организации, в том числе и ВССП, со всей готовностью поддержат их на этом пути" ("Литературная газета", 1929, 14 октября).

Кажется, на этом тексте лежит тень из надвигающихся 1930-х годов, да и не только 1930-х. Ведь так легко было "только" поставить подпись на протянутой тебе бумаге. И тем больнее сознавать, что за этим, вполне литературно грамотно составленным постановлением и за другими аналогичными решениями, стояли писатели, многие из которых еще недавно принадлежали к одному с Замятиным и Пильняком лагерю: Леонид Леонов, Владимир Кириллов, Абрам Эфрос, Вера Инбер, Николай Огнев, Абрам Лежнев, Николай Асеев.

В предлагавшуюся модель поведения уложился Борис Пильняк. И вскоре за покаянием и появлением романа "Волга впадает в Каспийское море", перечеркнувшего "Красное дерево", Пильняк был выпущен в поездку за границу, а его произведения продолжали печататься в советских изданиях.

Другая судьба ожидала Замятина. Только одно из его писем-протестов удалось опубликовать в "Литературной газете" (и то — исключительно благодаря М.Горькому). Осталось неопубликованным и его последнее письмо в редакцию — своеобразный творческий манифест писателя. Ниже приводятся наиболее значимые отрывки из этого документа:

«Итак — одного моего письма оказывается еще мало, хотя Правлению Союза Писателей (и Ленинградскому, и Московскому) пришлось подтвердить точность всех фактов, изложенных в первом моем письме. Но теперь, оказывается, нужно, чтобы я отказался от "проводимых в романе идей, признанных нашей общественностью антисоветскими" (резолюция Ленинградского правления, "Лит. газ." №26).

"Признание нашей общественностью" — это звучит очень категорически. Какую же, однако, общественность имеют в виду уважаемые писатели.

Правда: идея романа — не одобрена цензурой. Быть может, мнение цензуры и есть для писателей мнение общественности. Думаю, что нет — хотя бы уже по одному тому, что мнение цензуры уж не такая постоянная величина. Например, не дольше, как в прошлом году, Главрепертком разрешил мою пьесу "Атилла", а Ленинградский Облит эту же пьесу запретил. Отказываться или не отказываться мне от идей, проводимых в пьесе?

Правда: содержание романа не одобрено общими собраниями ВСП в Москве и Ленинграде. Содержание романа было известно части присутствовавших на собрании — именно тем, кто в свое время слышал чтение романа (на литературных вечерах ВСП) и после чтения аплодировал. Остальные голосовали, зная из романа только его заглавие, и голосовали (на собрании 22/IX в Ленинграде) так: при 200-х присутствовавших в начале собрания — в конце голосовало за резолюцию только 42. Можно ли на это опираться как на мнение общественности? Думаю, что нет.

Остается одно: мнением общественности о романе — считать мнение критики. Согласимся на это».

Далее Замятин, подробно разобрав опубликованные к тому времени отзывы о "Мы", заключал:

«Таково в действительности мнение критики о романе. Если в романе есть элемент сатиры, направленный против "государственного, бисмарковского, реакционного социализма", то основные идеи романа — идут гораздо дальше: роман "Мы" — это протест против того тупика, в который упирается европейско-американская цивилизация, стирающая, меха-

низирующая, омашинающая человека.

Так чего же от меня хотят? Отказа от этих — "фаустовских" идей, отказа от идеи бесконечной революции, отказа от протеста против механизации человека, отказа от борьбы со всяким консерватизмом — как бы он ни назывался.

Правда, если бы я писал роман не девять лет назад, а сейчас — вероятно, роман был бы написан иначе: слишком многое переменилось за девять лет. Но это не значит, что я могу отказаться от идей, составляющих сущность моего мировоззрения. Для меня идеи — не галстук, цвет которого можно менять в зависимости от моды.

Только в одном случае, пожалуй, возможен был бы такой отказ от романа: если бы это было не художественное произведение, если бы прав был известный критик Зозуля, сообщавший в "Лит. Газ." (№ от 9/IX 1929 г.), что роман "Мы" — это "растянутый и скучный фельетон", производивший на его, Зозулю, "впечатление серости и беспомощности". Но другие, не менее известные критики, говорят о романе другое. Тынников считает, что роман "Мы" — "удача, окристаллизованный роман цельным стуском входит в литературу". Воронский считает, что "с художественной точки зрения роман написан превосходно. Замятин достиг здесь полной самостоятельности и зрелости". А если так, если это действительно художественное произведение — то художник отказаться от своей работы не может. И меня удивляет только одно: как такого отказа могли требовать от меня художники слова? Таких требований к писателю никогда не предъявляла даже царская цензура».

Ко времени написания этого письма Замятин уже принял решение об эмиграции. Если в 1922 году обстоятельства практически не предоставляли ему возможности выбора, то семь лет спустя решение было принято без какого-либо понуждения со стороны.

Каковы были у Замятина шансы на успех? Думаю, не очень велики. Ведь именно в 1929-1930 годах советский режим ужесточает политику в отношении правил эмиграции и иммиграции (отказ на поездку за границу получает Владимир Маяковский, в лояльности которого, кажется, власти могли не сомневаться). Среди советских граждан, выезжавших тогда за рубеж, разразилась настоящая эпидемия "невозвращенчества".

Москва

Продолжение следует.